

КЛАЙВ ЛЬЮИС:

От разума к воображению

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ АЛИСТЕРА МАКГРАТА
«КЛАЙВ СТЕЙПЛЗ ЛЬЮИС. ЧЕЛОВЕК, ПОДАРИВШИЙ НАРНИЮ».

М.: Эксмо, 2019. – 520 с.; ISBN 978-5-04-094274-9

«Нельзя непрестанно защищать истину, надо и насладиться ею».

(Льюис, «Размышление о псалмах»)

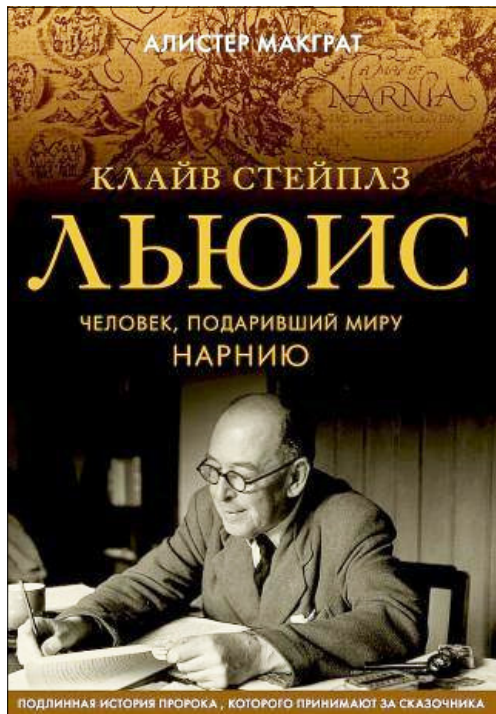
В 2013 году известный британский историк богословия Алистер Макрагат написал глубокое исследование жизни и творчества Клайва Стейплза Льюиса (1898–1963). Биография Маграта, переведенная в 2019 году в издательстве Эксмо, является не столько скоплением фактов, сколько анализом жизни и трудов великого автора. Данное жизнеописание создано «человеком, открывшим для себя Льюиса через написанное им, и обращено к тем, кто знаком с ним таким же путем» (с. 17). Сразу после смерти Льюиса многие считали, что автора, после его смерти, вскоре забудут. В 1960-х, его популярности давали от силы десять лет, не больше. Однако этого не произошло. Интерес к творчеству Льюиса никуда не пропал. Более того, Льюис, по большому счету, стал одним из ключевых авторов не только своего времени, но и нашего времени. Однако, таковым он стал, скорее вопреки своей воли. Так же, как и его обращение в христианство произошло вопреки воли всех логических доводов.

Макрагат напоминает, что существует три Льюиса: автор сказок и романов-бестселлеров («Хроники Нарнии»), христианский мыслитель и апологет («Просто христианство»), стремившийся разъяснить и передать читателям интеллектуальную и творческую мощь веры, которую он открыл для себя уже в зрелом возрасте. Третий Льюис – это «почтенный оксфордский дон и литературный критик», который собирал полные аудитории, где он рассуждал об английской литературе и возглавлявший в Кембридже кафедру средневековой и ренессансной литературы (с. 12). Книга Макграта строится вокруг этих трех Льюисов, которые обитали в Оксфорде, Кембридже и Нарнии (с. 13).

Клайв Стейплз Льюис родился в Белфасте, в самом центре протестантской Ирландии, и с молоком матери впитал враждебность и недоверие к католицизму. Однако он вырос «не правильным» ирландцем, так как остался на «широком шоссе мысли» и писал для широкой аудитории, а не той узкой, провинциальной, которая зави-

села от культурной и политической конъюнктуры (с. 34). Льюис прожил в Англии почти всю свою жизнь, но так и не смог до конца отождествить себя с англичанами. Еще в 1930-х годах Льюис обнаружил, что именно ландшафты Ирландии стимулировали его литературное воображение (с. 53). Его отец, Альберт Льюис, с которым у него складывались не совсем простые отношения, зарабатывая на жизнь в должности полицейского юрисконсульта, смог все-таки привить маленькому сыну безмерную любовь к книгам. Уже в детстве Льюис с запоем читал Жюль Верна и Герберта Уэлса, которые в будущем подтолкнули его к созданию «Космической трилогии» (морального понимания вселенной). Однажды эта любовь к книгам выльется и в известный интеллектуальный клуб инклингов. Льюис считал, что чтение книг, и в особенности «старых» книг, есть необходимое условие для того, чтобы бросить вызов поспешным выводам, рожденным «хронологическим снобизмом» (с. 237). Чтение для Льюиса было процессом, в результате которого мы воображаем себе иной мир и входим в него. Литература предназначена для того, пишет Макграт, чтобы помочь читателю увидеть мир сквозь другие очки и предположить альтернативные способы понимания (с. 292).

С самого детства Льюис не только замкнутый интеллектуальный сноб, но и способный к критическому мышлению, на основании фактов и логики, а не личной интуиции, мальчик (с. 62). Он учился как грамматике и риторике, так и диалектике, и уже с детства умел правильно использовать слова и выстраивать аргументы. С одной стороны, Льюис с детства погрузился в древние (древнегреческий и латынь) и современные (немец-

кий и итальянский) языки (с. 64), с другой стороны, рационализм учителя (Кёркпатрика, прототипа Макфи в «Мерзейшая мощь»), уже с юности привел его к атеизму. В октябре 1916 года семнадцатилетний Льюис напишет своему лучшему другу Артуру Гривзу: «Я не признаю никакой религии» (с. 65).

Будучи еще не зрелым юношей, Льюис создает собственные воображаемые миры и кое-что о них даже записывает. Так он сочинил свою «Зверландию» с говорящими животными. В 19 лет он поступает в Оксфорд и проходит окопы Первой мировой войны в Северной Франции. Казалось бы, этот травматический опыт утрат должен был сформировать его внутренний мир и навсегда развеять детские и юношеские фантазии. Вместо этого, между собой и тем бессмысленным и хаотичным миром, который окружал его, Льюис строит ограду из

литературы и поэзии, целью которой было уберечь себя от экзистенциального уничтожения (с. 76). Ближе к тому времени, когда ему пришлось служить в британской армии времен Первой мировой войны, Льюис заключил сделку с реальностью, при которой он предоставил своей стране свое тело, но не свой разум. Иными словами, он приручил, приспособил и пытался сдержать реальность по отношению к себе. Он построил вокруг себя ограду, которая защищала его от гниющих трупов и технологий, которые несли за собой разрушения. Льюис удерживал мир на расстоянии, слова и мысли других людей были своего рода щитами между им, как читателем и тем, что происходило за пределами окопов и казарм (с. 95). В последствии этот мир, в котором он находил убежище, мир воображаемый, а не выдуманный, получит название «Нарния» (с. 335).

Льюис так никогда и не стал настоящим поэтом, хотя в военные годы пишет стихи под псевдонимом Клайв Гамильтон (девичья фамилия его матери). Издадут их в 1919 под названием «Плененные духи». Основной лейтмотив той поры творчества — это «свидетельства укоренившегося атеизма». Как отметит Макграт, самым интересным разделом цикла можно назвать протесты против равнодушных небес и смерть Бога, Который все время был плодом человеческого воображения (с. 89). Однажды Льюис напишет своему другу Артуру Гривзу: «Когда сыт по горло, берись за перо: чернила, как я давно установил, — лучшее лекарство от всех человеческих бед» (с. 96). В конечном счете, Льюис обретет свое истинное призвание в литературе — в прозе, а не в стихах (с. 145).

Образование в Оксфорде позволило Льюису сосредоточиться на исторических, текстологических и филологических вопросах. Эта школа привила ему любовь к авторам, а не к абстрактной литературной теории. Изучение английской литературы поглощало все его силы. Он часто засиживался до полуночи, тщательно прорабатывая каждого автора из своего списка. Известно, что Льюис решил справиться за девять месяцев с курсом, который был рассчитан на три года (с. 137). В этот период своей жизни для Льюиса становится важным его друг Оуэн Барфильд, который: 1) избавляет его от «хронологического снобизма», 2) заставляет по новому взглянуть на реальность (с. 138). Рационалистическое мышление — модное веяние тех дней — все меньше удовлетворяло Льюиса и приводило к вере в «космический Логос». Оставался совсем один шаг от Платона к раннехристианским авторам, а далее и к самому христианскому мировоззрению, в котором есть Бог, освещающий реальность (с. 140).

В 1924/25 годах, Льюис уже преподает философию в Университи-колледже. Макграт пишет, что на его первую лекцию из цикла «Благо и его место среди ценностей» пришло всего четверо слушателя (с. 145). Спустя некоторое время он становится членом Магдален колледжа, начинает получать жалование в 500 фунтов в год, ему предоставляют собственное помещение, пансион и право участвовать в совместных обедах. Льюис становится частью общины ученых мужей. В последствии, среди оксфордских курсов Льюиса были и такие, как: «Введение в средневековые исследования» и «Введение в исследование Возрождения».

Считается, что Льюис активно поверил в Бога в некий момент в «Троицын триместр 1929 года» — за три или за пять месяце до смерти своего отца. Возможно, именно смерть отца побудила его задаться более глубокими экзистенциальными вопросами: вопросами о сути жизни и смысле смерти (с. 164). Это событие подтолкнуло Льюиса к завязыванию более тесных отношений со своим братом Уорни, с которым они в последствии вместе поселятся в Килнсе (приземистом строении в Хидингтон-кварри, близ подножия холма Шотовер) и который сыграет ключевую роль во всей его дальнейшей жизни.

Кроме преподавания, Льюис состоял еще членом Оксфордской школы английского языка и литературы и читал общеуниверситетские лекции по отдельным аспектам английской литературы. За «английским чаем» 11 мая 1926 года Льюис встретил «бледного, прилизанного, разговорчивого человека» и по совместительству профессора англо-саксонского языка, Дж. Р. Р. Толкиена, который был признанным оксфордским ученым, известным филологом и питал глубокую страсть к мифологии (с. 168).

Процесс обращения в христианство длился с 1930 по 1932 год, что, в конце концов, привело Льюиса к тому, что он стал известным апологетом, как в академической литературе, так и в популярной культуре. Именно чтение классической английской литературы привело Льюиса к столкновению с тем мировоззрением, которое было заложено в эти произведения. С огромным огорчением он констатировал, что приверженцы христианства могли бы предложить более убедительный и устойчивый «договор с реальностью» (с. 176). Религия, по

Льюису, является линзами, сквозь которые разрозненный мир вновь обретает резкость и его можно адекватно осмыслить (с. 177). Для Льюиса все эти модернистские авторы, типа Джорджа Бернарда Шоу и Герберта Уэльса были «жидковаты», «простоваты» и в них «не хватало плотности и напора бытия» (с. 177). Именно по этой причине, литература, проистекающая из христианской веры, оказывается неожиданно глубокой. Здесь Льюис идет по пути Блеза Паскаля, который считал, что нет смысла убеждать кого-то в христианской истине религиозной веры, лучше помочь человеку захотеть, чтобы это было истинной — дать способность неверующему узреть богатство и полноту реальности, которую открывает вера (с. 178).

И хотя творчество Льюиса началась в 1930-х, слава христианского апологета пришла к нему лишь в 1940 году, с публикацией «Страдания». Как уже было сказано в свой ранний период, он отправляется на поиски фундаментального упорядочивающего принципа — *arche*, который принадлежит к глубинному уровню бытия. От древнегреческой философии, он переходит к изучению средневековой литературы, которая все еще сохраняла «свидетельство о более широком взгляде на мир». Средневековые открывало видение единого космического и мирового порядка (примером может быть «Божественная комедия» Данте). Льюис, еще, не будучи христианином, пытается соединить разум и воображение. Постепенно мозаика складывалась в единую картину и подводила его все ближе и ближе к мигу прозрения, который потом будет описан в «Настигнут радостью» (с. 179). Два мира, внешний мир английских школ и Оксфордского универси-

тета и внутренний мир, где жила тоска по Радости, миры логики и воображения, встретились. В «Кружном пути», Льюис напишет о том, что христианская вера открывает нам «вещи как они есть». Осознав подлинное значение Острова, паломник возвращается обратно (с. 181).

Макграт считает, что в конце весны или в начале лета 1930 (а не, как привыкли считать, летом 1929 года) Льюис заново открывает Бога (с. 181). Процесс кристаллизации веры происходил довольно таки долго, переход от паскалевского «бога философов» к «Богу, Авраама, Исаака и Иакова» растянулся не на один год. Размышляя над философским вопросом существования материи, он постепенно пришел к тому, что «наименьшие возражения вызывает теория, «допускающая некоего рода божество» (с. 182). Тот договор с реальностью, который еще в 1916 году заключил Льюис, постепенно приходил в негодность, а стена, которая так долго отгораживала его от внешнего мира и собственно от Бога, рушилась. Для него рационалистическая философия Просвещения, романтическое искусство, современное искусство, фрейдизм, аскетизм, нигилизм, гедонизм, классический гуманизм и религиозны либерализм были испытаны и оказались не пригодными (с. 221). «На меня надвигается реальность, не ведающая компромисса», напишет он (с. 183). После покаяния (обращения в теизм), Льюис стал посещать часовню колледжа и сделался постоянным прихожанином приходской церкви Св. Троицы в Хиддингтон-кварри.

Льюис переходит от «простого и чистого» теизма к христианству после одного вечернего общения с Толкином. Именно идеи Толкина больше

всего повлияли на «паломничество разума (Льюиса) к Господу». Макграт пишет, что Толкин помог Льюису понять, что «проблема заключается не в логической неспособности усвоить теорию, а в отказе воображения постичь ее значение» (с. 193). Решающим здесь выступал не столько вопрос истины, сколько вопрос смысла. Важно было понять, что изучая христианский нарратив, следует ограничиться не разумом, а открываться своему воображению и глубинам интуиции (с. 194). Именно здесь и начинается приключение Льюиса с понятием мифа. Новый Завет, подсказывал ему Толкин, стоит изучать с таким же открытым воображением, с каким мы изучаем языческие гимны. Это подталкивает Льюиса сформулировать свое известное понимание христианства. «История Христа — это попросту истинный миф: миф, который воздействует на нас таким же образом, как и все остальные, но с тем потрясающим отличием, что все это действительно произошло» (с. 194). Миф вызывает в человеке тоску по чему-то недостижимому. Христианство не просто еще один миф, оно — квинтэссенция, исполнение всех прежних мифологических религий. «Оно осуществляет и завершает несовершенные и фрагментарные прозрения, разбросанные повсюду в истории человечества», суммирует Макграт мысли Льюиса (с. 195). 28 сентября 1931 года Льюис принимает божественность Христа (с. 197). Тут важно отметить, как пишет Макгарт, что стоит избегать соблазна изображать Льюиса как типичный пример обращения. Его обращение было более «интеллектуальным» или «философским» (с. 285). Льюис писал, что он верит в христианство, как верит в то, что солнце взошло — верит не столько потому,

что видит солнце, но потому, что при свете его видит все остальное (с. 286). Сам Льюис утверждал, что его путь к вере был «тем, по которому почти никто не ходит» (с. 204).

Но дата окончательного обращения Льюиса не столь важна в сравнении с последствиями этого шага в его дальнейшем творчестве, напоминает Макграт (с. 203). Если христианство истинно, то это решает множество интеллектуальных проблем и потребностей воображения, которые терзали Льюиса с юности. Обращение в веру не только прояснило ему то, что он читал, но и дало теоретическую основу для собственного литературного творчества (с. 203). Отныне Льюис будет исследовать отношение разума и воображения в области веры. В самом начале книги Макграт напоминает, что Льюис из-за своих христианских взглядов, прослыл в академических кругах Оксфорда эксцентриком^[1] и маргиналом. Это было связано с его даром, не полагающегося ученому, писать популярные художественные книги и апологетические сочинения. В Кембриджском университете во время инаугурационной лекции (1954) Льюис назовет себя динозавром. В религиозной жизни он тоже не был центристом, работая больше на периферии, не тратя время на контакты с ключевыми фигурами религиозного истеблишмента (с. 14).

«Страдания» (1940) стало первым трактатом, который принес Льюису славу христианского апологета. Под апологетикой Льюис подразумевал выявление и изучение тех проблемных вопросов, с которыми обычные люди сталкиваются на пути к христи-

[1] Человек, отклоняющийся от признанных, традиционных или установленных норм и схем, смещенный относительно центра.

Клайв Стейплз Льюис
(1898–1963)

анской вере (с. 255). Во времена Второй мировой войны Льюис ведет радиопередачи на общенациональном радио. Будучи мирянином и находясь вне структур церковной власти, он имел возможность объяснять, что такое христианская вера более чем миллионной аудитории слушателей. Льюис не излагал Евангелие, а приготавливал встречу слушателей с Евангелием. Это было *preparation evangelica*, а не *evangelium*. Благодаря радио, Льюис стал таким себе «голосом веры» для английского народа. Из передач родилось то, что в дальнейшем стало «просто христианством» — единым, неκληрикальным выходящим за пределы деноминаций пониманием христианской веры. Эти радиобеседы сделали Льюиса знаменитостью общенационального масштаба. Одни им восторгались, другие критиковали.

«Просто христианство» (1952) является слегка отредактированной версией радиобесед Льюиса и самой значи-

тельной работой автора в сфере христианского богословия. Это своего рода общий стандарт простого, серединного христианства («просто христианства»). Чтобы понять что такое «просто христианства», напомним один пример самого Льюиса: «Сущность» христианства, скорее всего, можно сравнить с залом, из которого двери открываются в несколько комнат. Если мне удастся привести кого-нибудь в этот зал, я цели достиг. Но камин, стулья и пища находятся в комнатах, а не в зале. Этот зал — место ожидания, из которого можно пройти в ту или иную дверь; в нем ждут, а не живут» (с. 279).

Просто христианство — это некая форма фундаментальной и выходящей за пределы всяких деноминаций форма христианства, которую следует ценить и обращаться к ней как к источнику христианской апологетики. Важно подчеркнуть, что для того, чтобы стать христианином, требуется уже приверженность какой-то конкретной форме этого базового христианства. Именно «просто христианство» лежит в основе всех многообразных форм христианства (конфессий) (с. 276). Апологетика, по Льюису заключается не в том, чтобы отстаивать свою деноминацию и не в защите своих личных богословских убеждений, а в том, чтобы уже говорить в самой христианской вере (с. 280). Просто христианство — это строительные леса подлинной христианской веры. Целью Льюиса было защитить христианство, не впадая при этом в конфессиональный педантизм и не занимаясь мелочной придирчивостью (с. 281). У него не было желания входить в межконфессиональные разногласия и спорить о крещении, епископате или Библии. Надо помочь неверующему нащупать эти «путевод-

ные нити», которые по отдельности не служат окончательным доказательством, но в совокупности способны привести человека к вере (с. 282). Как пишет Макграт, просто христианство — неформальное рукопожатие, за которым может последовать официальное представление новых знакомцев и бесед» (с. 286).

Как бы там ни было, но в 1938—1945 годах, Льюис выходит за пределы монастырских стен университета и приобретает репутацию крупного (пускай и не профессионального) мыслителя в сфере богословия, а также, литературы и культуры (с. 300). В 1947 году его фотография появляется на обложке журнала «Time», как «одного из самых влиятельных апологетов христианства в англоговорящем мире». С одной стороны, журнал писал о нем, как о человеке, который способен рассуждать на богословские темы, не делая при этом мрачного лица и не наводя на всех тоску (с. 307). С другой стороны, Льюис воспринимался, как пророк без чести в своем родном Оксфорде и в своем университете. Факультет английского языка рассматривал его, как обузу. Многие считали, что писательство отвлекает Льюиса от научных исследований и выталкивает его на обочину академической культуры. Однако никакие критики не помешали Льюису написать толстенную работу под названием «Английская литература XVI века за исключением драмы» (1954) и быть избранным в Британскую академию в 1955 году. Также, в свои 56 лет, становится первым кембриджским профессором английской литературы Средневековья и Возрождения и войдет в это львиное логово людей, которые (в отличие от профессоров Оксфорда) превозносили «критическую теорию» и подходили к

тексту как к объекту аналитического вскрытия, не ища при этом интеллектуального наслаждения и новых открытий (с. 395). Вот только в Кембридже Льюис не напишет ни одного существенного апологетического текста.

«Хроники Нарнии» (семь книг) ознаменовали нарастающее сознание Льюиса о том, что рациональными аргументами христианскую веру отстоять невозможно (с. 323). Здесь Льюис развивает апологетику, основанную на фантазии и нарративе. В это период своего творчества он постепенно отходит от апологетики, понимаемой, как защита веры на рациональных основах (с. 329). Как и в «Чуде», в «Хрониках» вымысел становится средством, которое помогает читателю увидеть и насладиться переживанием той реальности, которую Льюис описывал в своих ранних апологетических трудах. Нарния, как пишет Макграт, это шанс заново очаровать разочарованный мир (с. 350). Образ, который скорее побуждает и провоцирует, чем отвечает на сложные вопросы. Льюис пишет так: «Предположим, была бы такая страна Нарния, и Сын Божий, как Он стал Человеком в нашем мире, стал бы там Львом, и представим, что бы могло случиться» (с. 352). В этом гений Льюиса, его талант воображения, оказался более сильным и сложным, чем в состоянии были оценить его ранние критики и исследователи. В «Хрониках», Льюис развивает многие известные христологические сюжеты Нового Завета, связывая их, в большей мере, с личностью (льва) Аслана. Апологетика Льюиса сводится к тому, чтобы объяснить читателю, что мы живем в мире, который представляет собой лишь «яркую тень», чего-то

большого и лучшего. Мы живем в стране теней и слышим отголоски небесной гармонии, улавливая отблески ярких красок и различая тонкий аромат в воздухе. Но это, напоминает Макграт, ссылаясь на Льюиса, не настоящее — это лишь дорожные знаки, которые так легко можно перепутать с целью пути (с. 378).

В последний период своей жизни Льюис работает над такими произведениями, как «Пока мы лиц не обрели», «Рассуждение о псалмах» и «Любовь». Это период ознаменован смертью (1960) его супруги, американки, Джой Дэвидмен, которая долгое время боролась с раком. Итогом всей этой истории стала его самая тяжелая книга «Исследуя скорбь» (1961). Здесь Льюис делает ударение на том, «что единственной целью книги — разрешить интеллектуальную проблему, которая ставит перед нами страдание» (с. 432) «Страдание» стало бегством от реальности зла и боли. В «Исследуя скорбь» Льюис показывает, как рациональная вера может рассыпаться в прах, столкнувшись со страданием, как с личной реальностью, а не с каким-то умозрительным (зачастую абстрактным) переживанием (с. 433).

В заключительном разделе своей книги «Феномен Льюиса» Макграт поднимает вопрос о том, кем был Льюис в пору «длинных шестидесятых» (1960–1973). Могло ли «просто христианство» все еще сообщать христианскую веру людям, оставшимся вне церкви? Серьезные сдвиги в культуре, мировоззрении людей, а также в богословии, которые последовали в 1960-х, ставят под сомнение социальные и моральные предпосылки, из которых исходил Льюис. Теология «смерти Бога», война во Вьетнаме, сексуальная революция делали Льюиса

не совсем понятным (слишком теоретическим и отвлеченным) для молодого поколения 60-х. Для американских евангеликов 1950–1960-х., многие из которых считали серьезной духовной угрозой поход в кино, Льюис оставался абсолютным чужаком. «Какой же евангелик захотел бы иметь что-то общее с человеком, который много курил, литрами употреблял пиво и высказывал о Библии, искуплении и чистилище мысли, неприемлемые для тогдашней евангелической общины?» (с. 455). Макграт посвящает отдельный раздел «взаимоотношениям» Льюиса и американских евангеликов. Так называемая «слава» пришла к Льюису (уже посмертно) в 70-х годах, когда его аудиторию составляли именно евангелики. Льюис в какой-то мере, даже сделался религиозной и культурной иконой этого движения. Этаким «святым покровителем» американского евангелизма (с. 462). Для многих лидеров (70-х) этого движения именно «Просто христианство» было главной причиной их обращения в веру (Чарльз Колсон, Ричард Никсон), а Джон Стотт и Билли Грэм и вовсе напрямую обращались к Льюису, когда готовили миссию Грэма в Кембриджский университет в 1955 году. Для американских евангеликов Льюис представлял собой знакомство с интеллектуальной версией христианства, которая была убедительной для воображения и плодотворной с точки зрения этики (с.465). Льюиса ценили не только за рациональную защиту христианства, но и за его воздействие на воображение и эмоции. Льюис стал очень актуальным при культурном сдвиге от модернизма к постмодернизму, который и произошел где-то в 1960–1980-х годах в США. Как пишет Макграт,

«интуитивные формы размышления, оперирующие образами и сюжетами, взяли верх над логическим рассуждением, основанным исключительно на рациональности» (с. 465). И пока более традиционные евангелики 1980-х боролись с ветряными мельницами постмодернизма, более молодым христианам 1990-х книги Льюиса помогли «обжиться в новых культурных реалиях» (с. 466). В конце 90-х журнал Christianity Today, в статье посвященной столетию со дня рождения Льюиса провозглашает его «Аквианатом, Августином и Эзопом современного евангелизма». Льюис помог евангеликам, которые жили подозрениями относительно литературы, кино и искусства 50-х годов, переосмыслить свой страх. В середине 80-х, флагман евангелических колледжей Уитон, поощряет евангеликов заняться литературой, что помогает, в свою очередь, обогатить свою веру (с. 466).

Сегодня Льюис считается одним из лучших представителей жанра фэнтези. Статус Льюиса, как художественного и религиозного автора, невозможно переоценить. Его книги с начала 60-х держатся в списках бестселлеров. О жизни Льюиса и о его книгах снимают фильмы. Книга «Просто христианства» все еще упоминается как она из самых влиятельных богословских книг, а «Лев, колдунья и платяной шкаф» является классикой детской литературы XX века. Льюис научил нас тому, что искусство, в лучшем из его проявлений, указывает на глубину структуры реальности и направляет человечество в его неустанном поиске истины и смысла.

*Анатолий Денисенко,
кандидат философских наук, теолог,
Киев, Украина*